

Александр
Кушнер

ПРЯМАЯ
РЕЧЬ

Александр
Кушнер

ПРЯМАЯ
РЕЧЬ

стихотворения

Л Е Н И З Д А Т
1975

Александр Кушнер родился в 1936 году в Ленинграде. Окончил Педагогический институт имени А. И. Герцена. Десять лет преподавал в школе русский язык и литературу. Выпустил в издательстве «Советский писатель» четыре книги стихов: «Первое впечатление» (1962 г.), «Ночной дозор» (1966 г.), «Приметы» (1969 г.) и «Письмо» (1974 г.).

В книге «Прямая речь» собраны новые стихотворения о Ленинграде, о родине, о любви.

Прямая речь

Что хочешь, я сравню
Со всем, что хочешь. Дело
Не в этом. Как меню,
Мне это надоело.

И тополь — на ходу —
С конем, когда послушно
Идет на поводу,
Сравню, но это скучно.

Хотя б чулки на нем,
Как на стволе известка,
Сверкали, что нам в том?
Так это стало плоско.

Проставлена цена
На стиховых красотах.
Прямая речь одна
Еще проймет кого-то.

Так выбирай слова
И пропускай союзы.
Кружится голова
От многословной музыки.

К виску прижав ладонь,
Разглядывай Петрополь.
А конь откуда? Конь
Тут ни при чем, и тополь.

Я жить бы так хотел,
Чтоб было больше света,
Так, чтобы ты глядел
И одобрял все это.

Как та звезда горит,
Как тот огонь средь ночи...
— Короче,— говорит,—
Прости, еще короче!

День

Новый день — это праздник света,
А уныню — прямой укор.
Как из свертка, как из пакета,
Вынимаем его из штор:
Что он, пасмурен или ярок?
Все равно, все равно — подарок!
Мы глядим на него в упор.

Нет торжественнее момента.
Убегает ночная тень.
Перерезана кем-то лента —
И чехол, упав с монумента,
Обнажает скульптуру «День».

Вот он, выпуклый, явлен зримо,
Словно весь из лепного дыма,
Словно в гипсовых облаках,
С недостроенными домами,
С ненаписанными стихами,
С нелетавшим птенцом в руках!

Сад

Прекрасен этот темный сад,
Где листья кое-где блестят,
Но чаще, темные, в тени
Друг с другом шепчутся они.

Пока стоишь на сквозняке,
Сверкает что-то вдалеке,
Как будто бог из-за ветвей
Следит за славою своей.

Ты ближе к блеску подойдешь
И ветвь ладонью отведешь:
Так. Никого! Блестит река,
Волну неся издалека.

Поднимешь тихо воротник,
И вдруг почувится на миг,
Что сад, в сетях своих теней,
Еще прекрасней и темней.

Еще таинственнее шум.
И сад не то чтобы угрюм,
А только знает сам, что он,
Как все на свете, обречен.

И ты не то чтобы спешить,—
Еще прекрасней должен жить,
Еще полней, еще вольней,
В сетях, средь блеска и теней.

Канал

Вот Грибоедовский канал,
Удобный для знакомства,
Где старый друг меня снимал
Для славы и потомства.

Я здесь, как ангел на лету,
Окутанный туманом,
На узком Банковском мосту
С настилом деревянным.

Четыре чудища одной
Удержаны заботой,
И восемь крыл во мгле сырой
Сверкают позолотой.

Бумажный сор у моего
Носка юлит неслышно.
Со славой, друг мой, ничего,
Пора сказать, не вышло.

Но так прекрасен дом, канал,
Край неба дымно-алый,
Как будто все сбылось, что ждал,
И сверх того, пожалуй.

* * *

Хотел бы я не наблюдать
Часов, гордиться тем,
Что можно встать, а можно спать,
Что вот забыл, забыл опять,
Куда иду и с кем.

Но так проходит жизнь моя,
Что каждый час в расчет.
И нет летецкого питья,
Забвенья, слез и забытья,
И время не течет!

Хотел бы выпасть я, забыть
Пружину заводить,
Отстать, опомниться, остыть,
Быть может, с Батюшковым быть,
Быть может, так, курить.

Хотел бы легкое житье
Изобразить в стихах,
Да косо смотрит на вранье
Начальство точное мое,
Стоящее в дверях.

* * *

Где улица? Я думал: в Ленинграде.
И медленно я распахнул окно,
А улица как будто в Ашхабаде,
А в Ленинграде только заодно.

В косых лучах земные перекрестки
Пылают так, что больно от щедрот.
А белый тополь, царственный и жесткий,
И впрямь — дитя всех улиц и широт.

Поэзия, ты неперевоидима.
И только боль не знает языка
И под стихом течет неутолимо
Одна на всех, подспудная река.

Ты думаешь, что ты стихи читаешь.
Прочтешь строку и, вздрогнув, перечтешь.
Ты руку в боль чужую погружаешь
И горяча ль, на ощупь узнаешь.

* * *

Как будто страданье одно под рукой.
Найти бы какой-нибудь повод другой,
Но стих так устроен,
Что, если не жар в нем и если не лед,
Он сам себя в муке за то изведет,
Что слишком спокоен.

И тополь закручен, и чуть в стороне
Шиповник на медленном тлеет огне,
Соря лепестками.
И в комнате памятью каждый пустяк
Охвачен, как скомканный ворох бумаг —
Огня завитками.

* * *

Художник вещь на полотне
Искусно так преобразует,
Что страшно делается мне:
Останься с ней наедине —
Она печаль твою раздует.

Полузаплавившая свеча,
И голубой конверт почтовый
С нашлапкой желтой сургуча,—
И снова жжется, горяча,
Жизнь с подоплекой бестолковой.

Нет, нет, не надо, не хочу
Ее смертельного сумбура.
И так любви не залечу!
Рви свой конверт! Гаси свечу!
Гори огнем твоя натура!

Посещение

Приятель мой строг,
Необщей печатью отмечен,
И молод, и что ему Блок?
— Ах, маменькин этот сынок?
— Ну, ну,— отвечаю,— полегче.

Вчера я прилег,
Смежил на мгновенье ресницы —
Вломился в мой сонный висок
Обугленный гость, словно рок,
С цветком сумасшедшим в петлице.

Смешался на миг,
Увидев, как я растерялся.
И в свитере снова возник,
И что-то бубнил, и на крик,
Как невская чайка, срывался.

Вздымала Нева
За ним просмоленную барку.
Полдня разгружал он дрова.
На небо взглянул — синева.
Обрадовался, как подарку.

Потом у перил
Стоял, выправляя дыханье.

Я счастлив, что он захватил
Другую эпоху, ходил
За справками и на собрание.

Как будто привык.
Дежурства. Жилплощадь. Зарплата.
Зато — у нас общий язык.
Начну предложенье — он вмиг
Поймет. Продолжать мне не надо.

Стихи из Стрельны

Рассеянный и мягкий свет дневной,
и хочется волну рукой разгладить.

Передо мной
лежит залив, как скатерть
с морщинкою набухшею одной.

Ни корабля,
ни лодочки, похожей на солонку.
А где же пир? Вздыхают тополя,
подав как будто реплику в сторонку,
затекшими ветвями шевеля.

И в этот миг
расходится туман, залегший справа,
и города невероятный лик,
весь блеск его и тень, и дым и слава
являются, как райский материк!

Наверное, от нас отдалены,
так тени сквозь туман глядят смертельный
со стороны,
как я сейчас на жизнь смотрю из Стрельны.

Видна мне плоскость розовой стены,
десяток труб,
гусиный контур крана,
за кубом куб, влезающий на куб,
понятно, не без помощи Сезанна,
и купол, заходящий за уступ.

Там я живу,
там сквозь сады сырые пробегаю.
Блистающую лезвием Неву
отчетливо отсюда представляю
и город, ею вспоротый по шву.

Торчит набивка: кустики, скамьи,
в дверях дрожат провисшие пружины,
выскакивают брызги из струи
фонтана, вылезают из машины
друзья мои.

Расплачиваясь, продолжают спор.
Выходит из себя кто помоложе.

Их разговор
не слышен мне... Догадываюсь все же....

Петляет по стене лепной узор.
Выпархивает из-под кроны стриж.
И все это похоже на гаданье
по внутренностям: статуи из ниш
выглядывают. Жаль: на расстояние
не разглядишь.

Я вспоминаю комнату свою,
опрятный стол, к окну стоящий боком,
на полках — книг серийную семью.
Оправдывает ряд их ненароком
любовь к жизни.

Поэзия, твой жесткий переплет,
твой синий, с позолоченным тиснением,
в прекрасной тесноте при мне живет.
Раскрою — и повеет утешением
среди невзгод.

Мне кажется, я слышу телефон.
Пять-шесть звонков с рыданьем захлебнутся.
Напрасный звон!
Из Стрельны к трубке мне не дотянуться.
Какую весть сейчас глотает он?

Кто в этот миг подумал обо мне?
Вот воплощенье нашей с миром связи —
Железный гость в полдневной тишине.
Такой звонок всегда у нас в запасе,
как луч в окне!

Не убежишь — квитанции, счета.
Не отмахнешься — срочная работа.
Душа не та:
и нету ей забвенья вне расчета,
ответственности, складочки у рта.

Я думаю, что правда и добро
при том, что слов таких не произносим,
не сами явят тайное нутро,
а мы его из тьмы на свет выносим.

Блестит перо,
дрожит машинка, шторка шелестит,
как овцы, в чашке лилии пасутся,
письмо в почтовом ящичке лежит,
и все зовут и требуют вернуться —
и нет обид!

Узор на скатерти

Прерывистый, с цепкой повадкой,
То шаг, то прыжок, то затор,
Ведет мою руку украдкой
Зигзагообразный узор.

О жизни. И все же о смерти.
Вся прямо. И все-таки вбок.
В каком-то жестоком усердье
В ладонь запустив завиток.

А рядом — такая ж утеха.
Такой же изгиб и надлом.
И то — почему бы не съехать,
Не вывихнуть разум на нем?

Да кто бы и впрямь от загадок
Себя уберечь захотел?
Да что бы и значил порядок
Средь этих крушений и стрел?

В ночах ли не спать перестанут?
Заснув, просыпаться в слезах?
Пять струн моих... сам я растянут
На вышитых этих колках.

То сноска, то выплеск, то выпад.
Петляет узор нитяной.

Вот-вот я нащупаю выход
И вырвусь, и встречу с тобой.

Но кто-то окликнет — и руку
Поспешно с узора сниму
И снова зареюсь в разлуку,
В саднящую боль, бахрому.

* * *

За то, что жизни ткань так пристально
В стихах рассматривать привык,
Почти в упор, почти насильственно,—
Она срывается на крик,
Как с пальца шелк с вязким призвуком.
О, лучше нить на мне сорви,
Чем так томить и мучить призраком
Земного счастья и любви.

Мне знать важнее, как ты сделана.
Сижусь с ладонью у виска.
Моя, с рисунком, часть от целого,
Невероятного куска!
Как изнасилась ты и вытерлась,
А все морщишь передо мной,
Уже просвечивая,— выдохлась,—
То женским платьем, то волной,

* * *

В саду, задумавшись бог весть о чем, о ком,
Под Млечным пологом, над кровлей вставшим
дыбом,
Быть остановленным душистым табаком,
Ребристой трубочкой и звездчатым отгибом.

О, не рассеянным, а собранным в струю
Блаженным запахом, ночным, полубезумным.
Вот он врывается, вот рядом я стою,
Вот тень склоняется движением бесшумным.

Граненый, вытянутый, острый, как кристалл —
Мучнистых, сумеречных бабочек услада.
Из жизни выпал я — и к смерти не пристал.
Ты пахнешь памятью, оставь меня, не надо!

Нет утешения! И объяснений нет!
Ни в счастье — повода, ни в боли — утоленья.
Но эта пристальность, но этот белый цвет...
Век длится обморок или одно мгновенье?

* * *

Едкий дымок мандариновой корки.
Колкий снежок. Деревянные горки.
Все это видел я тысячу раз.
Что же так туго натянуты нервы?
Сердце колотится, слезы у глаз.
В тысячный — скучно, но в тысяча первый...

Весело вытереть пальцы перчаткой.
Весело с долькой стоять кисло-сладкой.
Все же на долю досталось и мне
Счастья, и горя, и снега, и смеха.
Годы прошли — не упало в цене.
О, поднялось на ветру, вроде меха!

* * *

На шелковой подкладке зыбь морская.
Широк покрой, и сумрачен фасон.
Несбыточное сбыться принуждая,
Чего мы добиваемся, Язон?

Полоска меж горами и волною,
Захламленная жизнью, так узка:
Покрепче надавить, нажать рукою —
Отвалится, как кромка от куска.

Зачем же я из мрака вызываю
Любимый образ, лезу, как в петлю,
В глухой откат, по смоченному краю
Хожу, как тень, и ракушки давлю.

Возьму одну: зубчатая щербинка,
Сырая сыпь прилипшего песка.
Моя любовь, твоя, Язон, овчинка...
Что не сбылось, что сбудется... Тоска!

* * *

Ты птицу белую сажаешь
На ручку кресла и о ней
За разговором забываешь,
А птице так еще вольней.

Легки ее пять перьев узких.
Она, отдельно от тебя,
Скользит по выгнутому спуску,
На пленке лаковой скрипя.

То полувзлет и обмиранье,
То полувздох и полувзмах,
И, словно пены опаданье,
Отказ от цели в двух шагах.

Как бы прислушиваясь к сбою
И заглянув за край тоски...
Я взял бы в ночь ее с собою,
К себе на веки, на виски.

И все бы слушал тихий щебет,
Живое вздрагиванье крыл,
Все б эту муку, этот трепет
Губами горькими ловил.

* * *

Дыханье мглы и света дрожь,
Узор по розовому полю.
Размытый контур тем хорош,
Что отпускает вещь на волю.

Смотри: зажмурилась она,
Как будто вышла из темницы.
Мерцает, не обведена
Чертой, не чувствуя границы.

Как будто с пленницы петлю,
Ее стесняющую, сняли.
Как будто горькое: люблю —
Еще мы, охнув, не сказали.

Сквозит и тянется к лучу,
Сама и тень, и позолота.
Не называй, я не хочу
Знать, как зовется это «что-то».

Мерцает что-то и сквозит,
Превозмогая расстоянье.
Но и во мне весь день болит,
Всю ночь болит... И нет названья.

* * *

Я в комнате сижу, не клеится работа.
Как будто кто зовет иль отвлекает что-то

Багровой полосой, подобно миражу.
Но кто бы это был — ума не приложу.

Не я тоскую — он томится и тоскует,
Поверх моих забот мне Францию рисует,

Какой она была лет сто тому назад.
А я-то здесь при чем? А я в чем виноват?

И парочка в углу: художник и чахотка —
Не трогают меня. И сделаны нечетко.

Вот вспыхнул алый блик, вот медленно потух.
Понять бы мне, какой в меня вселился дух

И страшное пятно наметил в отдаленье,
И шерстью промакнул мое воображенье.

А это красный шарф, забытый на окне!
Я торопил тебя — и отыгралось мне.

* * *

В ресницах — радуга и жизни расслоенье.
Проснешься: блещет мир, засвеченный с углов.
Ты перечтешь меня за этот угол зренья.
Все дело в ракурсе, а он и вправду нов.

Проснешься в комнате, а снился сад полночный.
Как быстро дерево столом замещено,
Накрытым скатертью с узором и цветочной
Пыльцой от тополя, пылящего в окно.

Проснешься в комнате, а мог и на планете
Другой какой-нибудь, а мог и в темноте
Еще дожитнейшей, а мог и на том свете.
Проснешься в комнате, а мог бы и нигде.

Кому мы дороги, что, нас не перепутав,
Как будто должен дать в своих делах отчет,
До пробуждения, в широкий плащ закутав,
Тебя — в твою постель, меня — в мою несет?

И все же поутру, подвернутая с края,
С пушинкой, бьющейся в припадке под столом,
Своя, и все-таки как бы чуть-чуть чужая,
Жизнь представляется счастливей, чем потом.

Фонтан

Зачем безумствует фонтан,
В тоске заламывает руки,
Стоит в аллее, как туман?
Никто не верит в эти муки.

Чем больше слез, тем ярче он!
Дрожит и рвется? Тем он краше!
Дай обойдем со всех сторон
И зачерпнем воды из чаши.

Не переполнится никак.
И через край не перельется.
Вот он и мучается так,
И головой о камень бьется.

Одушевленная вода.
Воды трепещущее тело.
— И не любила никогда,—
Еще вчера сказать хотела.

Молчи. Я больше не хочу
Соревноваться в лжи и спеси.
О чем он плачет и лучу
Пеняет, мглой его завесив?

О том, что с места не сойти?
Что смысла нет? А мы и рады.

Не затихай, фонтан, тверди,
Что труден блеск, что нет пощады.

Но утешаешь нас не ты ль?
Так прижимают холод к ранам.
Вздымай же радужную пыль
Своим развившимся султаном!

Отплытие

Лезут строчки стиховые
В гору, как холмы морские,
Блещут в комнате моей.
Над столом я замираю,
Словно на воду спускаю
Стаю легких кораблей.

И неведомому другу
Я протягиваю руку:
Поплывем среди зыбей!
Сладив с болью и обидой,
Между Сциллой и Харибдой,
Дальше, дальше и быстрее!

Нам с тобой стихи — спасенье,
Их подводное течение,
Как Гольфстрим, еще сильней.
Смерть — налево, им — направо.
Не утеха и забава —
Оправданье жизни всей.

Урок географии

Адриатические волны...

Пушкин

Адриатическое море
Так далеко от нас, вот горе!
В Одессе парусник найдем.
Откуда парусник? Ну ботик.
Ну шлюп. Ну хочешь, пароходик?
Эвксинский Понт пересечем.

Другие лодки на приколе,
А мы как будто в средней школе
Или лицее, без пальто,
Сбежав с урока, мяч гоняем
И географии не знаем,
И все же помним кое-что.

Босфор пройдем и Дарданеллы,
Соседней Турции пределы,
Семью Эгейских островов
И полетим по вольной воле.
Нам принесет волна в подоле
Медуз, моллюсков и бычков.

В бинокле Крит пройдет пред нами,
Эскадра с темными чехлами,
Чужую пестуя страну,
И в Ионическое море
Войдем, качаясь на просторе,
Волну меняя на волну.

О география! Свобода —
Твоя подруга и погода,
А не теченья и моря.
Я из страниц твоих печатных
Наделал птиц бы аккуратных
И рыб, по правде говоря.

Мне тридцать три пробило года
И в самый раз придумать что-то
Поинтереснее любви,
Сменить привычку и масштабы,
Охота странствовать хотя бы,
Как говорят, у нас в крови.

И муза к нам не безучастна.
Ведь чем поэзия прекрасна?
Тем, что по строчке стиховой,
Как по волне, мы лезем в гору.
Такая даль открыта взору —
Бинокль не нужен полевой.

И волны, видя, что печальны,
Нам шепчут:
— Будьте гениальны
И все устроится у вас.
— Как бы не так, — мы отвечаем.
Но рифму к рифме подбираем
Внимательно, как в первый раз.

Налево — гребни золотые,
Направо — светло-голубые,
Плаща отстегивай крючок,
Рукой Италии махая,
Рассмотришь, круто огибая,
Ее точеный каблучок.

Адриатические волны!
Вбирай в себя, вниманья полный,
И блеск, и тень, и синеву...
Но этот стол прямоугольный,
Но этот ветер своевольный,
Но как похоже на Неву!

Окно сияет ручкой медной.
Мы путь свершили кругосветный.
И что ж? — едва утомлены.
Ведь с картой бег свой не сверяем
И путь домой кратчайший знаем —
С другой, звучащей стороны.

* * *

Раскручу я старый глобус,
Наудачу ткну в него:
Что там, море или пропасть,
Где не видно ничего?

Случай здесь за все в ответе,
Тот, что высадит меня
На гренландского медведя,
На английского коня.

Чур, не жульничать! Однако,
Говоря себе: не трусь,—
Как решительного шага,
Мига этого боюсь.

Слишком разница большая
Меж французским городком
И равниною Китая
С исправительным трудом.

Кто достал меня из мрака,
Вынул из небытия?
Что имел в виду он: благо
Или ужасы житья?

Невских он огней цепочку
Разглядел сквозь темноту.
Почему он эту точку
Выбрал в мире, а не ту?

Льды, пески, тайга на вате,
Бесприютный белый свет...
Во второй раз в Ленинграде
Очутиться шансов нет,

Там, где жизнь мне засветилась,
Ночь бессрочную сменя,
Где так много уместилось
Бед и счастья для меня!

* * *

Мерно и мощно махая крылами,
Ворон двужилый стремится за нами,
Но отстает, отстает, отстает.
Смотришь: другой устремился по следу,
Словно товарищу, как эстафету,
Нас ему выбывший передает.

Ну и страна у нас! Поезд сквозь чащи
Рвется и воет все чаще и чаще,
Чай по стаканам разлил проводник.
В узком вагонном светло коридоре.
Круто вздымается хвойное море.
Качка и плеск. Я к окошку прикик.

Этим пространством бездомным и темным
Я проникаюсь в вагоне рессорном,
Но не люблю, не люблю, не люблю.
Здесь без оглядки не встанешь, не ступишь.
Ели и пихты мне шепчут: полюбишь.
Редкие станции я тороплю.

Лесом, излучиной, полем, болотом.
Лучше бы, право, лететь самолетом.
Лучше не ездить и дома сидеть.
— Нет, ты и в туче не спрячешься ватной,
И в ленинградской квартире прохладной
Ухнет Сибирь за стеной, как медведь.

Финских туманных лесов за Невою
Мне бы хватило вот так, с головою,
Волн, валунов, и морошки, и свай.
— Нет, привыкай, принимай, принимайся,
Воздухом полых пространств наполняйся,
Крылья пошире к стиху подбирай!

* * *

Крылья ворона обвисли,
Он летит за горизонт,
Сам не зная, вверх ли, вниз ли,
Как под снегом черный зонт.

Явно давит на распорки
Снег, тяжелый, как вода.
Под крылом его — пригорки,
Реки, села, города.

Он давным-давно простужен,
И приписан к этой тьме,
И привычно равнодушен
К ветру, снегу и зиме.

Словно в сеть попав густую
И разжать не смея клюв,
Он летит почти вслепую,
Веки серые сомкнув.

Потому и в наших бедах
Что-то есть от слепоты.
Даже кажется в просветах,
Избежать их можешь ты.

* * *

В Якутии — снег, в Кишиневе — туман,
В Сухуми — жара, в Ленинграде — в карман
Ты прячешь замерзшую руку.
С прогнозом погоды сравнится ль роман,
Любой, по щемящему звуку?

В телевизионном дрожащем окне
Меняют картинки: Богдан на коне
И киевский зонтик помятый,
А вот Самарканд и узор на стене
Растительный, витиеватый.

Уходит Тбилиси, как дым в синеву.
Зачем я не в Вологде белой живу?
Отмечу Казань как потерю.
И так всю страну, ее снег и листву
К груди приложу и примерю.

Невообразимо широкий наряд.
Сто Швеций поместятся в нем, говорят.
Не знаю, не путаюсь в полах.
Во всем я замешан, во всем виноват,
Сквозу в ее мыслях тяжелых.

Но музыка, та, что за кадром звучит,
Жару урезонит и стужу смягчит,
Вводимая в кровь, как глюкоза.
В ней есть обещанье, надеждой томит
И чем-то еще, сверх прогноза.

* * *

Знакомство с иностранцами сильней
Привязывает к родине, понятней
Становится она, невероятней,
Неслыханней, жить можно только с ней.
Француженка тебе твердит о том,
Как ветрено в России, как дождливо,
Прекрасно и, должно быть, несчастливо...
Нет, счастливо, но счастье, знать, в другом.

* * *

Стихов дорогое убранство,
Их шепот, и говор, и спесь —
Клочок золотого пространства,
Тобой отвоеванный здесь.
Не столько у вечности, сколько
У выпуклой этой страны,
Где Кама, и Лена, и Волга —
И те, посмотреть, не видны.

* * *

То веточкой машет в ночной тишине,
То рыщет, прикинувшись бурей:
— А все ли ты знаешь, друг мой, обо мне?
— Догадываюсь,— говорю ей.

И горло мне ночью сжимает рукой:
— К безумью я тоже причастна.
Ну как, хороша я? Не хочешь другой?
— Сказал же тебе: ты прекрасна!

— А как же стихи на печальный манер,
Глухие твои неудачи?
— А я, вообще, неудачный пример.
С другими бывает иначе.

Я сестринской и не хотел бы любви!
Другие мне любви объятья.
Так сдавливай горло и сердце мне рви.
Чтоб жизнью тебя мог назвать я.

Два голоса

«Увези меня в Тулу, Туву,
Симферополь, Великие Луки.
Увези меня, там оживу,
Там меж нами не будет разлуки.
Увези меня в Нижний Тагил,
Где не надо встречаться украдкой.
Сколько горя ты мне причинил,
Сколько горького счастья с оглядкой!»

«Я не знаю, откуда диктант
Нам диктует судьба без просвета,
Но классический есть вариант
Этой формулы старой — край света.
Он везде, на диване любом,
На бездарной бульварной скамейке,
Где сидим мы с тобою вдвоем,
Ухватившись руками за рейки».

«Увези меня в Лугу, во Мгу,
В карту пальцами ткнем наудачу.
Увези. Больше так не могу:
Видишь, губы кусаю и плачу». —
«Что ж, бежим на край света, на край
Этой радости, терпкой и горькой.
Говорю же тебе, выбирай,
Выбирай меж Фонтанкой и Мойкой».

* * *

Французский любовный роман,
Веселое чтение!
Неверность ее и обман —
Недоразуменье.
По набережной Малакэ
Прогулки дневные,
И блеклые эти в руке
Фиалки сырые.

Хитрит и петляет роман
Для важности пущей.
Под вечер усталый фонтан
В аллее приспущен.
Мне что? Угрожает им тень?
Душевная смута?
Мне улицы мрачной Монтень
Не видно отсюда.

...Но кажется, дело на лад
Идет понемногу.
К тому ж карнавал, маскарад.
Я рад! Слава богу!
Хотя бы тому, что не счесть
Все розы, гирлянды,
Что вот, кроме нашего, есть
Еще варианты.

Ночная гостья

Зажечь огонь — из тьмы на свет
Лесной выманивать балет,
Летят прозрачные сильфиды,
Крылатый мусор, мошкара,
Плащи, манжеты, веера,
Ночные бабочки из свиты.

Над абажуром голубым
Дрожат они столбом густым.
Кого еще на свет затянет?
Быть может, вместе с мотыльком,
Вверху порхающим с платком,
Царица ночи к нам заглянет?

Сказал и вижу: в тот же миг,
Подняв высокий воротник,
Вверх-вниз кружась без остановки,
В покровы кутаясь и в мех,
Явилось нечто, ярче всех,
С короной острой на головке.

Одной надменностью дыша,
Была она нехороша,
Того ущербного пошиба,
Что нам Пантоха де ла Крус
Запечатлел, а я боюсь,
В портрете дочери Филиппа.

Сойдя и впрямь как с полотна,
Затмила всех собой она,
Торчали выпуклые глазки,
Блестела желтая пыльца.
В ее безумное лицо
Я заглянул не без опаски.

Не знаю, что со мной стряслось,
Повел ладонью вниз и вкось --
И на пол гостя дорогая
Упала. Лампу погасил.
Ее разглядывать нет сил.
О ночь, о дева гробовая!

* * *

Я сам не помню, что бубню,
И я ль волну в Неве гоню,
Иль это ветер гонит
Ее в залив, под стать коню,
И я опять к тому клоню,
Куда и ветер клонит.

Я сам не знаю, что хочу,
И тень свою не отличу
От легкой тени птичьей.
Чем не товарищ я грачу:
Что он кричит, а я шепчу,
И в этом — все отличие?

Я сам не слышу, что твержу.
При чем здесь грач? Куда гляжу,
Не отрывая взгляда?
Зачем сучок в руке держу?
Иль смыслом я не дорожу?
Иль нам его не надо?

* * *

На ночь оставлю стихи на столе,—
Пусть полежат, наберутся ума.
Может быть, гнутая строчка во мгле
Распрямится сама?

Ангелы, музы, ночной ветерок,
Тени, которые бродят вокруг,
Вряд ли до наших спускаются строк.
А все же! А вдруг!

Входит ведь кто-то с улыбкой в наш сон.
О как шаги его ночью легки!
И утешает нас. Может быть, он
Входит в стихи?

Суффикс подкрутит, повертит предлог,
Слово по сходству заменит другим,
Петельку — хвостиком, в слове «порог»
Звонкий — глухим.

Горько и весело жить на земле.
К ней, как листок, я ничем не прижат.
На ночь оставлю стихи на столе.
Пусть полежат.

* * *

Не соблазней меня парчой
Полуистлевшей, и свечой
Полусгоревшей, и листвою
Полуопавшей и сырой.

Не согревай меня вином
За покачнувшимся столом,
И затянувшимся глотком,
И запахнувшимся платком.

Не утешай меня дворцом
Полуразмытым, и крыльцом
Полуразбитым, и гнездом,
Пружинящим под сквозняком.

Не задевай меня тоской
Полуразлитой, и строкой
Полузабытой, и душой
Полуоткрытой и чужой.

Т.

Себе бессмертье представляя,
Я должен был пожать плечом:
Мне эта версия благая
Не говорила ни о чем.

Как вдруг одно соображение
Блеснуло ярче остальных:
Что, если вечность — расширение
Всех мимолетностей земных?

Допустим, ты смотрел на вилку,
Не видя собственной руки,
Двух слив, упавших за бутылку,
И покрасневшейся щеки.

Теперь ты сможешь на досуге
Увидеть вдруг со всех сторон
Накрытый стол, лицо подруги,
Окно, деревья, небосклон.

* * *

Он умер. С ним роща и лес.
Напрасно качаются ели.
Их знать не хочу! Наотрез!
О как бы они ни шумели!

Он умер. С ним совесть и честь.
Что делает дождь? Что есть прыти
Он делает вид, что он есть.
Но нет его, нет, как хотите.

И нету того молотка,
А если работал прорабом,
Асфальта того и катка,
С которым гулял по ухабам.

Кто б ни был, он умер. Теперь —
Ни вас, ни меня, ни забора.
Вот, кажется, хлопнула дверь?
Но умерло все, без разбора.

Кто б ни был, он умер. Темно.
Не помня его и не зная,
Шумим и живем. Все равно
Темно. Тишина неземная.

Блестит этот мир роковой,
Привычно прощается с мертвым,
Но лучше взглядишь — он другой.
Как новый рисунок на стертом.

Поезд скорость набирал,
Затихал и спотыкался,
И стучать переставал...
Как сова, бесшумно мчался
И опять, опять, опять
С ритма верного сбивался,
Тормозил и подвывал...
Словно в чем-то сомневался,
Темп старался подобрать
Тот единственный, который
Позволял бы без забот
Так идти, как дождь за шторой,
Зарядив, всю ночь идет.

Поезд скорость набирал,
Рифмовал одни глаголы,
Словно кто-то умирал
От любви: один тяжелый
Способ был его спасти —
Это мчаться, мчаться, мчаться...
Чтоб к подушке мог прижаться
В полуночном забытьи...
Поезд скорость набирал,
Стольких гибелей свидетель,
Всю-то ночь он уверял,
Что никто, никто на свете
От любви не умирал.

* * *

Живу ли я? Жива ли ты?
Полночный ветер гнет кусты
И дышит с посвистом простудным.
И лишь свиданье в некий час,
Быть может, убедило б нас
В существованье обоюдном.

Что есть разлука? Ночи тьма!
О Тютчев, Тютчев, смерть сама
Во мраке льнет ко мне, тоскуя...
Как дико воют поезда
От непосильного труда,
Твой хаос нам организуя!

* * *

Быть нелюбимым! Боже мой!
Какое счастье быть несчастным!
Идти под дождиком домой
С лицом потерянным и красным.

Какая мука, благодать
Сидеть с закушенной губою,
Раз десять на день умирать
И говорить с самим собою.

Какая жизнь — сходить с ума!
Как тень, по комнате шататься!
Какое счастье — ждать письма
По месяцам — и не дожидаться.

Кто нам сказал, что мир у ног
Лежит в слезах, на все согласен?
Он равнодушен и жесток.
Зато воистину прекрасен.

Что с горем делать мне моим?
Спи. С головой в ночи укройся.
Когда б я не был счастлив им,
Я б разлюбил тебя. Не бойся!

* * *

Анютины глазки в саду.
Коллекция пестрых эмалей.
Одна — мотылек на лету,
Другая, в лиловом, едва ли
Не дамский портрет заказной,
А чей — никогда не узнаю.
А третья слепит желтизной
Эмали, отбитой по краю.

Ты быть бы помягче могла,
И время — полегче. Но поздно.
Мне весело! Как бы дела
Мои ни сложились серьезно.
И жизнь не отдать потому,
Что, ран не считая и вмятин,
На синюю смотришь кайму,
Чернильную выпуклость пятен.

* * *

С утра по комнате кружа,
С какой готовностью душа
Себе устраивает горе!
(Так лепит ласточка гнездо.)
Не отвлечет ее ничто
Ни за окном, ни в разговоре.

Напрасно день блестящ и чист,
Ее не манит клейкий лист,
Ни стол, ни книжная страница.
Какой плохой знаток людей
Сказал, что счастье нужно ей?
Лишь с горем можно так носиться.

* * *

Показалось, что горе прошло
И узлы развязались тугие.
Как-то больше воды утекло
В этот год, чем в другие.

Столько дел надо было кончать,
И погода с утра моросила.
Так что стал я тебя забывать,
Как сама ты просила.

Дождик шел и смывал, и смывал
Безнадежные те отношения.
Раньше в памяти этот провал
Называли: забвеньё.

Лишь бы кончилось, лишь бы не жгло,
Как бы ни называлось.
Показалось, что горе прошло.
Не прошло. Показалось.

* * *

Нет, не привет, а так, туманный
Слух о тебе. Немного странный,
Как всякий слух. Почти что вздох.
Почти что взмах рукою. Шепот.
Так, полущелест, полуропот.
Должно быть, вздор. Или подвох.

Нет, не тоска, а так, сомненье.
Полупечаль, полусмущенье.
Руки дрожанье у виска.
Нет, не тоска, скорее жалость.
Скорей отчаянье, усталость,
И стыд, и мука. И тоска.

* * *

Возьми меня, из этих комнат вынь,
Сдунь с площадей, из-под дворовых арок,
Засунь меня куда-нибудь, задвинь,
Возьми назад бесценный свой подарок!
Смахни совсем. Впиши меня в графу
Своих расходов в щедром мире этом.
Я — чокнутый, как рюмочка в шкафу
Надтреснутая. Но и ты — с приветом!

* * *

В черной трубке услышав отбой,
Надо было с дрожащей губой
Выйти молча в пустой коридор,
Дверью хлопнуть, спуститься во двор,
Пробежать среди пестрых теней
От кипящих его тополей,
Сесть в любой Сумасшедший трамвай
И покинуть свой город и край,
Материк, вообще шар земной —
Все оставить навек за спиной.

* * *

Прощай, любовь!
Прощай, любовь, была ты мукой.
Платочек белый приготовь
Перед разлукой
И вытюжь, и скомкай вновь.

Какой пример,
Какой пример для подражания
Мы выберем, какой размер?
Я помню чудное желанье
И пыль гостиничных портьер.

Не помню, жаль.
Не помню, — жаль, оса, впивайся.
Придумать точную деталь
И, приукрася,
Надсаду выдать за печаль?

Сорваться в крик?
Сорваться в крик, в тоске забиться?
Я не привык.
И муза громких слов стыдится.
В окне какой-то писк возник.

Кричит птенец.
Кричит птенец, сломавший шею.
За образец
Прощание по Хемингуэю
Избрать? Простились — и конец?

Он в свитерке,
Он в свитерке по всем квартирам
Висел, с подтекстом в кулаке.
Теперь уже другим кумиром
Сменен, с Лолитой в драмкружке.

Из всех услад,
Из всех услад одну на свете
Г. Г. ценил, раскрыв халат.
Над ним стареющие дети,
Как злые гении, парят.

Прощай, старушка. Этот тон,
Мне этот тон полупристойный
Претит. Ты знаешь, был ли он
Мне свойствен или жест крамольный.
Я был влюблен.

Твоей руки,
Твоей руки рукой коснуться
Казалось счастьем, вопреки
Всем сексуальным революциям.
Прощай. Мы станем старики.

У нас в стране,
У нас в стране при всех обидах
То хорошо, что ветвь в окне,
И вздох, и выдох,
И боль, и просто жизнь — в цене.

А нам с тобой,
А нам с тобой вдвоем дышалось
Вольней, и общию судьбой
Вся эта даль и ширь казалась —
Не только чай и час ночной.

Отныне — врозь.
Припоминаю шаг твой встречный
И хвостик заячий волос.
На волос был от жизни вечной,
Но — сорвалось!

Когда уснем,
Когда уснем смертельным, мертвым,
Без воскрешений, общим сном,
Кем станем мы? Рисунком стертым.
Судьба, других рисуй на нем.

Поэты тем
И тяжелы, что всенародно
Касаются сердечных тем.
Молчу. Мне стыдно. Ты свободна.
На радость всем.

«Любовь свободна. Мир чаруя,
Она законов всех сильнее».
Певица толстая, ликуя,
Покрыта пудрой, как статуя.
И ты — за ней?

Пускай орет на всю округу.
Считаться — грех.
Помашем издали друг другу.
Ты и сейчас, отдернув руку,
Прекрасней всех!

* * *

Мир этот выпуклый, сферическая высь,
Вдаль уходящая холмистая дорога
И клен взъерошенный... Не говорю: продлись,
Но с замиранием: прогнись еще немного.

Мираж не выловить, и призрак не обнять.
Прощай, любимая! Теперь блесни другому.
Неси, как облако, развившуюся прядь,
Обману близкая, но чуждая объему.

Я тень преследовал, у женщины просил
То понимания, то выгнутой улыбки,
А счастье, вот оно: как будто кто открыл
Второе зренье мне — и мир качнулся зыбкий,

Прямолинейный шрифт переводя в курсив.
Иль это стеклышко, прогнувшись, виновато,
Прощанье горькое в прощенье превратив?
Или воистину разлука так поката?

Фантастической ночью

Фантастической ночью,
ярче белого дня,
кто-то видеть захочет
у подъезда меня,
скажет:
— Спишь и не знаешь,
извини, разбудил,—
как ты много теряешь
и уже пропустил!

Удивляясь поступку,
опустив на рычаг
телефонную трубку,
с пиджаком на плечах
выхожу — у подъезда
никого, ни души:
тучки, тронувшись с места,
блещут, как миражи.

Словно борной промыли
мне глаза кислотой:
вижу пленку из пыли
на решетке витой,
а в подвальном окошке
разгляжу на свету
на старинной обложке
буквы ять и фиту.

Петербургская повесть
у меня на уме,
воспаленная совесть,
чей-то бред в полутьме,
штукатурка слезает,
обнажив кирпичи,
только дверь разделяет
двух безумцев в ночи.

И с ума меня сводит
этих стен желтизна.
Наяву происходит
продолжение сна.
Неприятно и жутко.
Голос вроде знаком.
Что за странная шутка
с полуночным звонком?

С ледящей тоскою
продолжаются сны.
Возвращаясь, рукою
чуть касаюсь стены.
И, задвинув задвижку,
долго дрожь не унять,
как фотографы вспышку,
проверяю опять.

* * *

Еще люблю лепной карниз,
Цветы и маски на фасаде.
Стрижи, ныряющие вниз,
В речной купаются прохладе.
Шумит подвижная листва,
И гневом полнится и страстью
Слепая, в оспе, маска льва
С набитой веточками пастью.

Еще я знаю некий двор
Прямоугольный, с круглой башней.
Еще известен мне узор
Решетки в садике домашнем.
Еще Лукомский мне открыл
Красу Пенькового Буяна.
Еще изгиб литых перил
Я достаю, как из кармана.

* * *

Невская дельта поката.
Строем идут корабли
В светлую ночь без заката
И пропадают вдали.

Был бы бинокль — рассмотрели
Имя Святой на борту.
Словно сойдя с акварели,
Флаги скользят в темноту.

Влажно среди полудремы
Дышат и липа и дуб.
В темных домах не знакомы
С жаром и сухостью губ.

Вечная стужа в парадных,
Вымазан мелом рукав,
И поцелуи прохладны,
Без обязательств и прав.

Сырости въедливый запах
Из переулка сквозит.
Как Чаадаев, на запад
Облачко в полночь летит.

На подоконнике книгу
Ветер листает всю ночь,
Чтобы к заветному мигу
Пересказать все точь-в-точь.

* * *

Закончим среди снегопада,
А начали путь под дождем,
Покуда от Летнего сада
До Зимней канавки дойдем.
В снегу нержавеющей тополь
Зеленые листья растряс.
О город, о темный некрополь
Погод, обнимающих нас!

* * *

Неслыханно город томим
Жарой; как пустая квартира,
Он гулок; ни тучки над ним.
Ампирная, пухом сухим
Забита мортира.

Пойду ли на Крюков канал,
Там трудится землечерпалка.
Вращается с грохотом вал,
Но как-то лениво: устал.
Себя ему жалко.

И если судить по стихам,
Которые волей железной
Ты тянешь,— ты выдохся сам.
Подруги в разъезде, друзьям
Звонить бесполезно.

Удушливый вьется дымок,
И стук на два такта.
Сейчас не рисуясь бы мог
Сказать себе, что одинок,
Да совестно как-то.

О север, ушедший на юг!
Ржавеет наряд твой зеленый.
Как будто в угаре разлук
Меняешь на граб и на бук
Заветные липы и клены.

Пески ли к дворцам прикипят
С пластами слюды и ракушек,
Сердечный ли вызреет ад,—
Вынослив, как тот земснаряд,
 Не съеду с катушек.

Ползи, черпаковая цепь,
Подтягивай грунт к барабану.
Душа, твой характер нелеп,
Ты вся состоишь из зацеп,
 Твердишь: не устану!

* * *

Мне музыку лучше не слушать,
Но поздней октябрьской порой
Шум клена и дуба обрушить
На слух замечтавшийся свой.
Чтоб мчался накат изначальный,
Вверху доставая до туч,
Бесформенный, домузыкальный,
Не запертый в нотах на ключ.

Как близко осенние рощи
Подходят к таким рубежам,
Где нет ничего, кроме мощи,
Почти угрожающей нам,
Встающей спиралью из свитка,
Застывшей вверху завитком
И музыку нам от избытка
Дарящей в разбеге таком.

* * *

Ни мучительных зорь нестерпимых,
Ни смущающих душу комет
В небесах, легким ветром гонимых,
Не видать: чего нет, того нет!

Отсверкав, отпылав перед теми,
Кто от них загорался и гас,
Словно при травопольной системе,
Небеса отдыхают при нас.

В них — то чудно, то — хмуро и смутно:
Безответственность и благодать!
Без подсказки живется нам трудно,
И самим нам за все отвечать.

* * *

Жуковский к нам привел Ундину,
И то сказать, издалека.
Сквозь пену или пелерину
Видна мне девичья рука.
В ладонь морозные иголки
Вгоняет острая зима.
Скучает немочка на полке.
Хандрит поэзия сама.

Нева во льду наполовину,
Метель у Зимнего дворца.
И никому прочесть «Ундину»
Уж не под силу до конца.
В строке и пульс почти не бьется,
И слово впало в забытье,
И только имя остается,
Как некий слепок, от нее.

* * *

Как люблю я полубред
Книг, стареющих во мраке,
Те страницы, что на свет —
Словно денежные знаки.

И поэтов тех люблю,
Что плывут в поля иные,
Словно блики по стеблю
Или знаки водяные.

Блеск бумаги желт и мглист.
Как лошадка, скачет строчка.
Все разнять стремишься лист,
Словно слиплось три листочка.

Словно там-то, среди трех,
Второпях пропущен нами,
Самый тихий спрятан вздох,
Самый легкий взмах руками.

Пирь

Я занят мелочью любой,
От пьяной дружеской ухмылки
До мягкой проволочки той,
Крепящей пробку на бутылке.

А также тем, что на пирах,
Припоминаясь то и дело,
Все это столько раз в стихах
Блистало, пенилось, шипело.

Стихи ссылаются на жизнь,
А жизнь сама на них кивает,
Грустит, на строчку опершись,
И есть ли разница — не знает.

Уходит в прошлый полумрак
И есть ли разница — не знает.
Там тот же шум и грустно так,
Как только в праздники бывает.

И вот никак не разберу,
Где больше лжи, а жесты шире:
На тесном дружеском пиру
Или в стихах об этом пире?

*Натюрморт
с гитарой и раковиной*

Виктору Сосноре

Блещут раковин раструбы.
Мне ж на них нельзя смотреть.
Вывороченные губы
Так умеют розоветь.

Уберите эту мякоть,
Эту розовую плоть.
Лучше дождик, лучше слякоть,
Лучше пыльная щепоть.

Лучше жить без натюрморта,
Без гитары и ковра,
Чем среди них поставить твердо
Что-то, вынув из нутра.

То ль больничные кошмары,
То ль покинутость опять —
Знаю, струнами гитары
Можно все из нас достать.

Перламутровой фасолью,
Селезенкой голубой,
Натюрморт ваш дышит болью,
Словно тащат на убой.

Фарфор

Я ничего не понимаю
В фарфоре: сразу вспоминаю
Судейкина, Головина,
Их натюрморты: чаши, вазы,
Божков фарфоровых гримасы,
Цветов лиловые тона.

Там так заставлено пространство,
Такое пышное убранство,—
Не протолкнуться, не вздохнуть.
Нам этот мир не по карману.
Я заходить в него не стану:
Еще задену что-нибудь!

Боюсь я куколок притихших,
Своих хозяев переживших,
Передрожавших две войны.
Танцорка вытянула шею.
Увидеть хочет, что за нею.
Уж нет ли впрямь за ней вины?

В кафе

В переполненном, глухо гудящем кафе
Я затерян, как цифра в четвертой графе,
И обманут вином тепловатым.
И сосед мой брезглив и едой утомлен,
Мельхиоровым перстнем любитесь он
На мизинце своем волосатом.

Предзакатное небо висит за окном
Пропускающим воду сырым полотном,
Луч, прорвавшись, крадется к соседу,
Его перстень горит самоварным огнем.
«Может, девочек,— он говорит,— позовем?»
И скучает: «Хорошеньких нету».

Через миг погружается вновь в полутьму.
Он молчит, так как я не ответил ему.
Он сердит: рассчитаться бы, что ли?
Не торопится к столику официант,
Поправляет у зеркала узенький бант.
Я на перстень гляжу поневоле.

Он волшебный! Хозяин не знает о том.
Повернуть бы на пальце его под столом —
И, пожалуйста, синее море!
И коралловый риф, что вскипал у Моне
На приехавшем к нам погостить полотне,
В фиолетово-белом уборе.

Повернуть бы еще раз — и в Ялте зимой
Оказаться, чтоб угольщик с черной каймой
Шел к причалу, как в траурном крепе.
Снова луч родничком замерцал и забил,
Этот перстень... На рынке его он купил,
Иль работает сам в ширпотребе?

А как в третий бы раз, не дыша, повернуть
Этот перстень — но страшно сказать что-нибудь:
Все не то или кажется — мало!
То ли рыжего друга в дверях увидеть?
То ли этого типа отсюда убрать?
То ли юность вернуть для начала?

* * *

В Венеции, где обувь никогда
Не снашивается,— сукном в пенале
Зеленая, зацветшая вода
Мерцает мне на Крюковом канале.
В Венеции, хотя и сознаю,
Что мог бы поточней построить фразу.
Да стоит ли: простят строку мою
В Венеции, где не был я ни разу.

* * *

Италия Сильвестра Щедрина
В приподнятых волнах отражена
И нежится, серебряная нимфа.
Пора в стихах оставить щегольство,
Но с живописью нас томит родство,
И, как волна, подкатывает рифма.

Италия! Как нам пробраться к ней?
Ведь на пути навалено камней
Побольше, чем в окрестностях Сорренто.
Нам говорят: вторичен ваш подход.
Как если б мы могли забраться в грот,
Дождавшись подходящего момента!

*Зимняя элегия
на фоне Одесского порта*

...Она томилась, увядала...

Пушкин

Мало того, что покинула край
Северный, чуждый,
Ради отчизны, похожей на рай,
Синей, жемчужной, —
Там, под оливами, вдруг умерла,
Как роковую черту провела.
Плакала? Друга на помощь звала?
Больше не нужно!

Если б не мокрый одесский снежок,
Мы от макета
Не отличили бы порт и флажок
Вроде привета
Нам от Амалии, ветер и тьма,
И аномалия! Вместо письма —
Яркий, трехцветный, послала сама
Нам — с того света.

Грузно сидит итальянский утюг.
Падает мокрый
Снег на корму, и на кран, и на крюк,
Крашенный охрой.
Дым, как чудовище, на животе
Грузно и трудно ползет по воде,
И леденеет в морозной среде
Жалобный окрик.

Белой мукой посыпает причал,
Море остыло.
Смотрит таможенник: кто же кричал?
Некому было!
Ты говоришь, что не хочешь стареть:
Лучше вдали от друзей умереть!
Кто же тогда окликает, ответь,
Друга уныло?

* * *

Проснусь — не пойму поначалу,
Куда я лежу головой.
Как будто меня укачало
В тяжелой дороге ночной.
Как будто меня оглушили
Настойкой, отравой из трав.
Как будто меня раскружили,
Салфеткой глаза завязав.

Где двери? И окна? И стены?
Об угол ударившись лбом,
В себя прихожу постепенно
И вот понимаю с трудом:
Душа возвращается в тело
И в спешке, набегавшись всласть,
В ту лунку, где прежде сидела,
Как в лузу, не может попасть.

* * *

Я книгу опустил — и выронил закладку.
Мне на руку в стихах играет и пустяк!
Неужто променять угрюмую повадку
На лирики общедоступный флаг?

Не помню, где читал. Нагнулся, поднял с пола,
Верчу ее в руке... И странно: в этот миг
Луч комнату пронзил, и в сердце закололо.
Не спрятать этот блеск, не вычитать из книг.

Подробнее еще! И тополь залит блеском,
И в комнате диван мерцанием облит:
Ни сесть нельзя, ни лечь, и в свете этом резком
Нет места для тоски, желаний и обид.

Да и о чем жалеть, когда в сиянье этом
Предметы под рукой утрачивают цвет:
И черный переплет пленяет синим цветом,
А синий переплет в зеленое одет?

Ни слова о любви! Но все об этом блике,
Похожем на печать размытую с гербом.
Жизнь выхвачена так, как шрифт с разрядкой —
в книге,
И высвечена так, что слезы ни при чем.

* * *

Люблю глаза твои с лиловой синевой.
И впрямь фиалковый, оттенок их так редок.
Хоть это, может быть, просвечивает слой
В фусцин окрашенных эпителиальных клеток.

Но боль, которую внушают мне они,
И память, связанную с морем и брезентом,
Не снимешь знанием, доступным в наши дни.
И суть страдания не объяснишь пигментом.

Белые ночи

Пошли на убыль эти ночи,
Еще похожие на дни.
Еще кромешный полог, скорчась,
Приподнимают нам они,
Чтоб различали мы в испуге,
Клонясь к подушке меловой,
Лицо любви, как в смертной муке
Лицо с закушенной губой.

* * *

Игорю Кузьмичеву

Этот дачный вокзал и домишки —
Вроде детской железной игрушки,
Где автобусы ходят, как мышки,
По восьмерке, чертя завитушки,
Днем и вечером без передышки,
Средь редяющих рощиц мелькая,
И кружится листок, залетая
На дорогу из Павловска в Пушкин.

Этот вкрадчивый бег электрички
По холмам, по мостам, по мосточкам,
Эти знаки, таблицы, таблички,
Нарисованный домик с дымочком,
Эти дальних гудков переклички,
Эти липы, чьи купы кудрявы, —
Вроде детской железной забавы,
Но с прилипшим к вагону листочком.

Меж разбросанных грабель и грядок,
Вдоль вокзального дымного свода
Шелестит заведенный порядок,
Лет на тысячу хватит завода.
Растворяй известковый осадок
Расстояньем, морозным дыханьем
Или, хочешь, займись расписанием:
Как дожить до счастливого года?

* * *

Вбежал на холм и задохнулся:
Направо — синий лес тянулся,
Вблизи — чернели пни.
Бежал ручей в кустах зеленых,
Люпины в желтых балахонах,
Шиповник огненный на склонах,
Боярышник в тени.

Полуотцветшая синюха,
Медвежье войлочное ухо,
Цикорий голубой.
Без дел не делающий шаг,
Из глаз давно изгнавший влагу,
Сны выносящий на бумагу,
Ты вздрогнул! Что с тобой?

Тому назад еще мгновенье
Жизнь вызывала отвращенье,
Прельщала смерть одна.
И вдруг — как выход из неволи,
Освобождение от боли:
То ли цветы такие, то ли
Размер «Бородина»?

* * *

Овеет тишиной и лесом темнокрылым.
Но я ее боюсь. Она мне не по силам.

Пружинит под ногой затопленный настил.
Есть силы на тоску, — на облачко нет сил.

И яркий василек на срезе известковом
Мне сердце голубым сжимает и лиловым.

Припасть к ее груди — потребует в ответ
Невыплаканных слез, которых больше нет.

* * *

Перерастает человек
Земную жизнь свою.
Он попадает, словно снег,
В воздушную струю.

И видит в ракурсе другом,
Летя во тьме ночной,
Себя сидящим за столом
Наедине с бедой.

И, раздвигая эту ночь
Движением крыла,
Он видит, как себе помочь,
Как выправить дела.

Но, видно, там, на высоте,
Среди воздушных ям,
Он охладел к своей беде
И поостыл к делам.

* * *

Кому-то в помощь жизнь твоя.
Он вызывает ночью, где-то,
Тебя из тьмы и забытья.
Благодари его за это.

И ты бы помощи просил,
Хоть слова доброго, хоть взгляда,
Да он тебя опередил.
Зато тебе кричать не надо!

* * *

В тот год я жил дурными новостями,
Бедой своей, и болью, и виною.
Сухими, воспаленными глазами
Смотрел на мир, мерцавший предо мною.

И мальчик не заслуживал вниманья,
И дачный пес, позевывавший нервно.
Трагическое мирозерцанье
Тем плохо, что оно высокомерно.

* * *

Люблю пророчество о том,
что будет барс дружить
с козленком,
а вол со львом,
и все — с ребенком,
который будет их водить.

И этот цирк передвижной
пойдет гулять по белу свету
в то время, как меня с тобой
как раз потребуют к ответу.

* * *

Та музычка, мотивчик тот,
За мною бегавший весь год,
Отстал — и сразу тихо стало!
К чему бы это? Хвать-похвать,
А где любовь? А не слышать!
Вчера была и вдруг — пропала.

Так у великих катастроф —
Землетрясений, ледников —
Есть спутник темный, признак дальний,
Пустяк какой-нибудь, штришок,
Так, кое-кто, один дружок,
Сверчок, сморчок, браток нахальный.

* * *

Души потрачено так много
Бог знает на кого, зачем?
А эта зимняя дорога,
На ней не встретишься ни с кем.

Среди февральского тумана
Сквозит осинник, пуст и наг.
Но экономить тоже странно.
Да и на чем? И можно ль так?

Чугунный мостик в два пролета.
Душа опять среди ветвей
Мечтает высмотреть кого-то:
Еще помучиться бы ей!

* * *

Вот и приснилась мне. Здравствуй, милая!
Тщетно я пробовал, сны насилуя,
Вызвать твой образ: не получалось.
Кто мне не снился! Живые, мертвые,
Вогнуто-выпуклые, полустертые,
Даже Елена щеки касалась.

Только когда завалил работою
Дни, и завесил сырой погодою
Окна, и сердце мое расталось
С вечным круженьем над местом гибели
Счастья, и Стикс потемнел от прибыли —
С черного хода ко мне прокралась.

Вот мы и встретились. С укоризною
Смотришь на жизнь мою ненавистную.
Это не ты, это я — с укором.
Хочешь, умру? Узелок развяжется.
Плачу? Иль это во сне нам кажется?
Жесткий платочек свой спрячь с узором.

Сами себе не прощаем слабости.
В счастье есть приторный привкус сладости.
Нам же любовного стыдно вздоха.
Ветер взбивает листву без устал.
Я ни с одною себя не чувствовал
Так хорошо, как с тобой: так плохо.

* * *

Взметнутся голуби гирляндой черных нот.
Как почерк осени на пушкинский похож!
Сквозит. Спыхватишься и силы соберешь.
Ты старше Моцарта. И Пушкина вот-вот
Переживешь.

Друзья гармонии, смахнув рукой со лба
Усталость мертвую, принять беспечный вид
С утра стараются. И все равно судьба
Скупа, слепа,
К ним беспощадная. Зато тебя щадит.

О, ты-то выживешь! Залечишь — и пройдет.
С твоею мрачностью! Без слез, гордясь собой,
Что сух, как лед.
А эта пауза, а этот перебой —
Завалит листьями и снегом заметет.

С твоею тяжестью! Сырые облака
По небу тянутся, как траурный обоз,
Через века.
Вот маска с мертвого, вот белая рука —
Ничто не сгладилось, ничто не разошлось.

Они не вынесли. Им не понятно, как
Живем до старости, справляемся с тоской,
Долгами, нервами и ворохом бумаг...

Музейный узенький рассматриваем фрак,
Лорнет двойной.

Глядим во тьму.

Земля просторная, но места нет на ней
Ни взмаху легкому, ни быстрому письму.
И все ж в присутствии их маленьких теней
Не так мучительно, не знаю почему.

* * *

Исследовав, как Критский лабиринт,
Все закоулки мрачности, на свет
Я выхожу, разматывая бинт.
Вопросов нет.

Подсохла рана.
И слезы высохли, и в мире — та же сушь.
И жизнь мне кажется, когда встаю с дивана,
Улиткой с рожками, и вытекшей к тому ж.

От Минотавра
Осталась лужица, точнее, тень одна.
И жизнь мне кажется отложенной на завтра,
На послезавтра, на другие времена.

Она понадобится там, потом, кому-то,
И снова кто-нибудь, разбуженный листвою,
Усмотрит чудо
В том, что пружинкою свернулось заводной.

Как в погремушке, в раковине слуха
Обида сохшаяся дням теряет счет.
Пусть смерть-старуха
Ее оттуда с треском извлечет.

Звонит мне под вечер приятель, дую в трубку.
Плохая слышимость. Все время рвется нить.

«Читать наскучило. И к бабам лезть под юбку.
Как дальше жить?»

О жизнь, наполненная смыслом и любовью,
Хлынь в эту паузу, блесни еще хоть раз
Страной ли, музою, припавшей к изголовью,
Постой у глаз

Водою в шлюзе,
Все прибывающей, с буксиром на груди.
Высоким уровнем. Системою иллюзий.
Еще какой-нибудь миражек заведи.

Дуб

Вадиму Шефнеру

Ах этот дуб уединенный,
С полуразрушенной кроной,
С полуистлевшею корой,
Шумит угрюмо надо мной.

О, как он мрачен и растерян,
Как откровенно не уверен,
Что он меня переживет!
Все это странность придает

Общенью нашему. Съезжаю
К нему с дороги каждый раз
И льну к нему, и утешаю,
Как утешать он должен нас.

* * *

Все, что дальше, как бы сверх программы:
И стихи, и слезы, и труды,
И Осмеркин, лезущий из рамы
Посмотреть на ржавые кусты.

И ночная ласка — сверх лимита,
По счастливой слабости судьбы.
И над речкой — моль, эфемерида,
И в аллеях — жесткие дубы.

И в передней сваленные шубы,
И бокал, повернутый к огню,
И цветы, и разве смотрят в зубы,
Обнаглев, дареному коню?

* * *

Лечь в качалку, в жесткое объятье,
Солнцем взор слепя.
Или вот веселое занятие —
Почитаю сам себя.

Этот автор малознаменитый,
С пасмурной душой,
Со страницы белой, глянцевитой
Смотрит, как чужой.

Может быть, через его посредство
Вникну в суть вещей.
Но ему претит мое кокетство
Все сильнее.

Он глядит с усмешечкою горькой,
Буквы накрена,
Смысл строки задерживая шторкой
От меня.

Как чехол, дворы она накрыла,
Комнаты, столы.
Выпирают жесткие перила,
Острые углы.

Это все: и боль, и напряженье,
Шорох тополей —

Не имеет больше отношенья
К памяти моей.

Чем он жил, кого любил так долго,
Горевал о чем —
Темной тенью плачет втихомолку
За его плечом.

* * *

Взамен любовной переписки,
Ее свободней и точней.
Слетают письма от друзей
С нагорных троп и топей низких,

Сырым пропахшие снежком,
Дорожной гарью и мешком,
Погодой зимней и ненастной.
И на конверте голубом
Чернеет штамп волнообразный.

Собой расталкивая мрак,
То из Тюмени, то с Алтая.
И ходит строчка стиховая
Меж нами, как масонский знак.

Родную душу узнаю,
На дальний оклик отвечаю,
Как будто на валу стою.
Соединить бы всю семью,
Да как собрать ее — не знаю.

* * *

Тополь в окне у меня шелестит —
Кажется, чайник на кухне шумит.

Этот уютный, услужливый шум
Разубеждает того, кто угрюм.

Гулкую рифму оклихни в тоске
Или фигуры расставь на доске.

Да, этот мир жестковат и суров,—
Всё же в нем место нашлось для стихов.

Значит, тем более, есть в нем ходы
Для справедливости и доброты.

СОДЕРЖАНИЕ

Прямая речь	3
День	5
Сад	6
Канал	7
«Хотел бы я не наблюдать...»	8
«Где улица? Я думал: в Ленинграде...»	9
«Как будто страданье одно под рукой...»	10
«Художник вещь на полотне...»	11
Посещение	12
Стихи из Стрельны	14
Узор на скатерти	17
«За то, что жизни ткань так пристально...»	19
«В саду, задумавшись бог весть о чем, о ком...»	20
«Едкий дымок мандариновой корки...»	21
«На шелковой подкладке зыбь морская...»	22
«Ты птицу белую сажаешь...»	23
«Дыханье мглы и света дрожь...»	24
«Я в комнате сижу, не клеится работа...»	25
«В ресницах — радуга и жизни расслоенье...»	26
Фонтан	27
Отплытие	29
Урок географии	30
«Раскручу я старый глобус...»	33
«Мерно и мощно махая крылами...»	35
«Крылья ворона обвисли...»	37
«В Якутии — снег, в Кишиневе — туман...»	38
«Знакомство с иностранцами сильней...»	39
«Стихов дорогое убранство...»	40

«То веточкой машет в ночной тишине...»	41
Два голоса	42
«Французский любовный роман...»	43
Ночная гостья	44
«Я сам не помню, что бубню...»	46
«На ночь оставлю стихи на столе...»	47
«Не соблазней меня парчой...»	48
«Себе бессмертье представляя...»	49
«Он умер. С ним роща и лес...»	50
«Поезд скорость набирал...»	51
«Живу ли я? Жива ли ты?»	52
«Быть нелюбимым! Боже мой!»	53
«Анютины глазки в саду...»	54
«С утра по комнате кружа...»	55
«Показалось, что горе прошло...»	56
«Нет, не привет, а так, туманный...»	57
«Возьми меня, из этих комнат вынь...»	58
«В черной трубке услышав отбой...»	59
«Прощай, любовь!..»	60
«Мир этот выпуклый, сферическая высь...»	63
Фантастической ночью	64
«Еще люблю лепной карниз...»	66
«Невская дельта поката...»	67
«Закончим среди снегопада...»	68
«Неслыханно город томим...»	69
«Мне музыку лучше не слушать...»	71
«Ни мучительных зорь нестерпимых...»	72
«Жуковский к нам привел Ундину...»	73
«Как люблю я полубред...»	74
Пиры	75
Натюрморт с гитарой и раковиной.	76
Фарфор	77
В кафе	78
«В Венеции, где обувь никогда...»	80
«Италия Сильвестра Щедрина...»	81

Зимняя элегия на фоне Одесского порта.	82
«Проснусь — не пойму поначалу...»	84
«Я книгу опустил — и выронил закладку...»	85
«Люблю глаза твои с лиловой синевою...»	86
Белые ночи	87
«Этот дачный вокзал и домишки...»	88
«Вбежал на холм и задохнулся...»	89
«Овеет тишиной и лесом темнокрылым...»	90
«Перерастает человек...»	91
«Кому-то в помощь жизнь твоя...»	92
«В тот год я жил дурными новостями...»	93
«Люблю пророчество о том...»	94
«Та музыка, мотивчик тот...»	95
«Души потрачено так много...»	96
«Вот и приснилась мне. Здравствуй, милая!..»	97
«Взметнутся голуби гирляндой черных нот...»	98
«Исследовав, как Критский лабиринт...»	100
Дуб	102
«Все, что дальше, как бы сверх программы...»	103
«Лечь в качалку, в жесткое объятье...»	104
«Взамен любовной переписки...»	106
«Тополь в окне у меня шелестит...»	107

Александр Семенович Кушнер

**ПРЯМАЯ
РЕЧЬ**

*Редактор Н. А. Чечулина
Художник Л. А. Яценко
Художественный редактор А. К. Тимошевский
Технический редактор Л. П. Никитина
Корректор Э. Г. Поварская*

Сдано в набор 7/Х 1974 г. Подписано к печати
6/І 1975 г. М-26007. Формат 70×108^{1/32}. Бумага
тип. № 1. Усл. печ. л. 4,90. Уч.-изд. л. 2,78.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 817. Цена 35 коп.

*Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59
Ордена Трудового Красного Знамени
типография имени Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57*

35 коп.